

Д. А. МАЧИНСКИЙ

К ВОПРОСУ О ТЕРРИТОРИИ ОБИТАНИЯ СЛАВЯН
В I—VI ВЕКАХ

Достаточно определенные и систематические сообщения о местах обитания славян впервые появляются у авторов, писавших около середины VI в. н. э., и отражают реальность примерно этого же времени. Все сведения о славянах более ранней поры отрывочны и с трудом поддаются привязке к определенному месту и времени.

В известной мере аналогичную картину дает и археология. К настоящему моменту уже достаточно хорошо выявлена довольно монолитная славянская археологическая культура, представленная памятниками «пражского типа» и «типа Корчак» и занимающая в VI—VII вв. н. э. обширные пространства в Средней и Восточной Европе. Правда, идет еще спор о принадлежности славянам некоторых групп памятников, расположенных на периферии этой культуры, однако само существование такой археологической общности не вызывает серьезных сомнений. В то же время археологи до сих пор не могут придти к сколько-нибудь согласованному мнению о культуре славян в более раннее время. Все имеющиеся к 1972 г. утверждения (иногда довольно категорические) о принадлежности славянам той или иной археологической культуры, существовавшей ранее VI в. н. э., находятся, по своей аргументированности, на уровне предположений, рабочих гипотез — и не более того.

Среди объективных трудностей, возникающих здесь перед исследователями, на первом месте стоят скудость и отрывочность письменных свидетельств и необходимость перекинуть мостик преемственности от славянских древностей VI—VII вв. к культурам I—IV вв.

через бурную эпоху конца IV—V в., насыщенную грандиозными столкновениями, миграциями, культурными изменениями.

Настоящая статья, посвященная истории славян в I—VI вв., представляет собой резюме нескольких частей более обширной работы по этногеографии Восточной Европы в VIII в. до н. э. — VI в. н. э.

Отдельные части этой работы уже опубликованы или находятся в печати¹. Основные положения настоящей статьи были обоснованы автором в докладах в 1970—1971 гг.² Автор надеется в ряде статей развернуть подробную аргументацию всех положений, которые здесь изложены лишь в виде тезисов³.

Все, что мы знаем о славянстве начиная с VI в., убеждает нас в том, что в непосредственно предшествующее время (I—V вв.) основная масса славян представляла собой некое целое, достаточно обособившееся в языковом и культурном отношении от своих западных и южных соседей, и занимала определенную и единую территорию, хотя границы этой территории в пределах указанного времени, вероятно, не оставались неизменными. Поискам этой области расселения основной массы древнейшего славянства в I—V вв. и посвящена наша работа. Подчеркиваем, что в рамках этой работы мы не фиксируем внимания на возможных случаях отрыва отдельных групп славянства от основного массива, их инфильтрации в чуждую этническую среду, их ассимиляции пришельцами и т. д.

1. Иордан, Плиний, Тацит, Птолемей. Как известно, историк Иордан (VI в.) утверждает, что все племена и группировки славян, известных в его время под

именами склавенов, антов и венетов, «происходят от одного корня» и в древности назывались одним общим именем «венеты» (Иордан, Гетика, 34, 35, 119). Исходя из этого утверждения, многие слависты обычно привлекают в качестве основного источника по древнейшей истории славян те сведения, которые сообщают о неких «венетах-венетах» три писателя I—II вв. — Плиний Старший, Тацит и Кл. Птолемей. Сведения эти обычно рассматривают суммарно, исходя из установленного мнения, что все они относятся примерно к одному времени, поскольку труд Плиния был завершен в 77 г., Тацита — в 98 г., а труд Птолемея был создан на основе данных, собранных в первой трети II в. Подобный подход к этим свидетельствам создал у многих современных исследователей впечатление, что, во-первых, все эти венеды — славяне, во-вторых, что они теснее всего связаны с Повисленьем, а, в-третьих, что они уже в I—II вв. занимали огромную и монолитную территорию от бассейна Вислы или Одера на западе до Днепра и Десны на востоке, от Балтики на севере до украинских степей на юге. Однако внимательный анализ источников дает более сложную картину.

Во-первых, из текста Иордана явствует, что, говоря о «едином корне» венетов, антов и склавенов VI в., он имел в виду отнюдь не венедов, упомянутых авторами I—II вв., а тех венетов, с которыми воевал в IV в. н. э. король готов Германарих. И именно это сообщение о венетах-славянах времен Германариха, восходящее к готским народным преданиям (Иордан, Гетика, 28, 117—119), дает нам в руки древнейший, достаточно достоверный, письменно зафиксированный факт славянской истории. Что же касается венедов-венетов Плиния, Тацита и Птолемея, то уместно напомнить, что этот этноним зафиксирован еще до рубежа н. э. как обозначение двух отнюдь не славянских групп населения. Одна из них обитала в Бретани, а другая — на северном побережье Адриатики и, возможно, в языковом отношении была родственна иллирийцам. В качестве топонима корень «вент-вэнд» отмечается начиная с римского времени в различных местах Европы, в том числе в таких, где присутствие славян в столь раннее время исключено. На основании данных сравнительного языкознания, топонимики и истории давно уже выдвинуто предположение о существовании в древности к востоку от германцев индоевропейской группы населения, носившей имя венетов и близкой по язы-

ку к адриатическим иллирийцам и венетам. Поскольку этноним венеды-венеты, видимо, не был общим самоназванием славян, но зато употреблялся как общее обозначение славян у германцев, считается весьма вероятным, что германцы перенесли древнее название своих восточных соседей — венетов — на новых восточных соседей — славян. Еще в XII—XIII вв. в восточной Прибалтике, у устьев Венты и Западной Двины, фиксируются некие венеты, в которых исследователи также отказываются видеть славян⁴. Таким образом, можно заключить, что вопрос о славянстве восточноевропейских венедов, отмеченных в трудах Плиния, Тацита и Птолемея, вопреки распространенному среди славистов мнению, еще далек от разрешения и нуждается в привлечении новых материалов и в новых исследованиях.

Во-вторых, вряд ли можно рассматривать и сведения Плиния, Тацита и Птолемея о венетах-венетах как нечто единое. Тот отрывок из «Естественной истории» Плиния, который содержит древнейшее упоминание о восточноевропейских венетах, представляет особый перипл (описание побережья) южной части Балтики⁵. Этот перипл помещен Плинием между предшествующими ему полуфантастическими сведениями, извлеченными из трудов греческих ученых IV в. н. э. — I в. н. э. (Плиний, Естественная история, 94—95), и идущими после него конкретными данными о Германии и германцах, полученными из первых рук во время пребывания Плиния на германской границе в 47—51 гг. н. э. (Плиний, Естественная история, 99, 100, 80—81). Интересующий нас отрывок дает такую этническую и географическую номенклатуру Прибалтики (Плиний, Естественная история, 96—97), которая не находит никакого соответствия ни в номенклатуре последующего текста, отражающего реальность середины I в. н. э. (Плиний, Естественная история, 99, 100, а также 80, 81), ни в той карте южной Прибалтики, которая для I в. н. э. зафиксирована в труде Тацита (Тацит, Германия, 1, 2, 50, 43—45) и в народной готогопидской традиции, сохранившейся для нас Аблавием и Иорданом (Иордан, Гетика, 25, 26, 94—97). Вероятно, перипл восходит к источникам, отражавшим реальную ситуацию более раннего времени, где-то в пределах конца IV — середины I в. до н. э. Если рассматривать сообщение Плиния о венетах в контексте, то оказывается, что венеды помещены Плинием на полуострове Энингия, лежащем, видимо, восточнее Вислы, причем между венетами и Вислой на

по побережью живут еще два «народов» — скиры и хирры. Всем этим условиям лучше всего соответствует полуостров Курземе, около места впадения в Балтику реки Венты, где еще в XII в. жили некие «венты», а в XIX в. часть жителей обозначалась названием «вентини»⁶.

Таким образом, веныды Плиния зафиксированы на значительном территориальном и хронологическом удалении от древнейших венов-славян IV—VI вв. Иордана. Места их обитания не входят также в ту большую область расселения славян около рубежа н. э., которая определяется некоторыми лингвистами на основе данных языкознания. Все это делает маловероятной принадлежность венов Плиния к массиву древнего славянства.

Второе по времени упоминание о восточноевропейских венах находится в рамках той развернутой, внутренне последовательной и логичной, проверенной сопоставлениями с другими источниками, этнокарты лесной зоны варварской Европы, которую в 98 г. н. э. создал Тацит в своей «Германии» (Тацит, Германия, I, 46). Веныды обрисованы у Тацита как значительная этническая группировка, занимающая лежащую вдаль от морей область к востоку от лугиев, готов и эстиев, к северу от бастарнов и степняков-сарматов и к югу от феннов. Территория обитания этих венов и их характеристика делают правомерной постановку вопроса о соотношении этих венов с основным массивом древнего славянства. К более подробному разбору сведений Тацита о венах мы обратимся несколько ниже.

Следующее по времени упоминание имени восточноевропейских венов содержится в труде Кл. Птолемея (60-е гг. II в. н. э.), созданном на основе сочинения Маринуса Тирского (первая треть II в. н. э.), писавшего немногим позднее Тацита (Птолемей, Географическое руководство, III, V, 1, 5, 7, 8, 9). И действительно, многие сведения, сообщаемые Тацитом и Птолемеем о землях и народах западнее Вислы, где, по Птолемееву, расположена «Великая Германия», совпадают или хорошо согласуются друг с другом. Однако, когда при описании Европейской Сарматии (область восточнее Вислы) в числе «великих народов», ее населяющих, Птолемей на первом месте называет «венов по всему Венедскому заливу», то оказывается, что эта локализация находится в вопиющем противоречии с локализацией венов у Тацита. Веныды Птолемея помещены вдаль от бастарнов и сарматов, на юго-восточном побережье

Балтики — на месте, где у Тацита, Плиния, Иордана находятся готы и главным образом эсти. Готы и фины у Птолемея помещены южнее венов, в числе «малых народов», а эсти отсутствуют совсем. На той же территории, где у Тацита — веныды, у Птолемея отмечены совершенно иные этнонимы.

Наиболее вероятным представляется следующее объяснение этого противоречия. При описании «Германии», которая впервые была «открыта» лишь римлянами, Птолемей, как и Тацит, пользуется сведениями сравнительно свежими (I — начало II в. н. э.); иногда подобные же сведения Птолемей берет и для описания некоторых второстепенных деталей этногеографии Сарматии. Однако сами границы «Европейской Сарматии» отражают устаревшую для времени Птолемея и не соответствующую действительности «научную традицию», а основной каркас этногеографии этой Сарматии — описание «великих народов» — явно восходит к греческим источникам, отражающим реальность II—I вв. до н. э.⁷ Действительно, почти все «великие народы», отмеченные Птолемеем в Сарматии (бастарны, роксоланы, амаксобии, языги), помещены не там, где их во II в. н. э. фиксируют другие источники в связи с реальными историческими событиями, а там, где их отмечали более древние и, с точки зрения Птолемея, более авторитетные, греческие авторы в связи с событиями II—I вв. до н. э. Любопытно, что аланы, также зачисленные Птолемеем в число «великих народов» и действительно представлявшие во II в. н. э. реальную силу, помещены не совсем там, где их знают все другие авторы — в степях у самой Меотиды, а отодвинуты на север, чтобы освободить место для размещения у Меотиды роксоланов, языгов и амаксобиев, выступавших как реальная сила во второй половине I — II вв. н. э. значительно западнее. Некоторые «народы», действительно сыгравшие большую роль в событиях I—II вв. н. э., но не известные еще эллинистическим авторам, такие, например, как готы и костоки, зачислены Птолемеем в число «малых народов» Сарматии. Судя по всему, представление о венах могло сложиться у Птолемея на основании соединения в единое целое более древнего свидетельства (возможно, восходящего к тем же источникам, что и сообщение Плиния) о неких венах на юго-восточном побережье Балтики и более поздних сведений (восходящих, как и сведения Тацита, к сообщениям римских купцов и офицеров, а также самих «варва-

ров») о некоем большом «народе» — веныды, — живущем в удаленных от моря областях Восточной Европы. При локализации венов Птолемей, естественно, отдал предпочтение более древнему источнику, а представление о значительности этого народа почерпнул в поздних источниках. Отметим, что Х. Ловмянский, подробно проанализировавший сведения Птолемея о венах, считает их локализацию ошибочной умозрительной конструкцией Птолемея⁸.

Таким образом, из трех древнейших сообщений о восточноевропейских венах-веныдах только свидетельство Тацита, безусловно, отражает реальность I в. н. э. (а не более раннего времени, как у Плиния и частично у Птолемея) и определенно локализует неких венов на той территории, где, исходя из соображений лингвистических и общесторических, естественно искать древних славян. Поэтому далее внимание концентрируется именно на результатах анализа текста Тацита, для понимания которого нами привлекались все доступные источники I в. до н. э. — VI в. н. э., в том числе и те части сочинений Плиния и Птолемея, которые отражают реальность первых веков н. э.

2. Тацит. Многие предшественники Тацита пытались связать в единую картину те данные о «варварском» мире Европы, которые были собраны греками и римлянами, с одной стороны, на берегах «Понта», с другой — на побережье северного «Океана».

По представлению Страбона, окончившего свою «Географию» около 18 г. н. э., севернее причерноморских степняков-сарматов, где-то в лесостепной зоне от Подунавья до правого берега Днепра, живут различные «племена» бастарнов; певкины, отдельная группа бастарнов, населяют дельту Дуная (Страбон, География, II, 5, 12; II, 5, 30; VII, 2, 4; VII, 3, 14—17); по Рейну и в областях, расположенных западнее и восточнее Эльбы и севернее верхнего течения Дуная, существуют различные германские племена (Страбон, География, II, 5, 80; IV, 3, 4—5; VII, 1, 3). Страбон сообщает, что, «как думает большинство», область западных германцев где-то восточнее Эльбы соприкасается с областью бастарнов (Страбон, География, VII, 2, 4; VII, 1, 1), которых он также склонен причислить к германцам. Эти не совсем ясные сведения относятся, видимо, только к землям, непосредственно примыкающим с севера и северо-востока к Карпатам, так как Страбону неизвестно, насколько далеко к северу, в сторону

«Океана», простираются области, занятые бастарнами и кочевниками. Этногеографические сведения Страбона отражают реальность конца II в. до н. э. — начала I в. н. э.⁹

Дальнейшее накопление знаний находит отражение в труде Плиния Старшего (закончен в 77 г. н. э.). Плинию известны бастарны на северо-восточных склонах Карпат, а севернее бастарнов, — восточнее Вислы и южнее «Океана», — «другие германцы». Понятнее «германцы» у Плиния достаточно конкретно, и среди перечисленных им «германских народов» нет ни одного, чья принадлежность к германцам в современном значении этого термина могла бы быть поставлена под сомнение. Вислу Плиний рассматривает как одну из рек, текущих в пределах территории, занятой германцами (Плиний, Естественная история, IV, 80, 99—101). Надо отметить, что, в отличие от Страбона, Плиний, а также Тацит и Певтингеровы таблицы, отражающие реальность середины I — начала III в. н. э., не сообщают никаких сведений ни о пребывании бастарнов в лесостепной зоне между Днепром и Дунаем, ни о присутствии бастарнов-певкинов в устье Дуная. Видимо, бастарны были к середине I в. н. э. вытеснены из этих областей мощным движением кочевников. Для середины I — начала III в. н. э. бастарны как постоянное население известны лишь на северо-восточных склонах Карпат под двойным наименованием бастарнов-певкинов.

В 98 г. н. э. Тацит, широко используя различные источники, среди которых были и труды Плиния, дал наиболее ясную и достоверную этнокарту всей лесной зоны «варварской» Европы. Свою знаменитую «Германию» Тацит начинает с определения ее границ: «Германия отделена от галлов, ретов и паннонцев реками Рейном и Дунаем, от сарматов и даков — обоюдным страхом и горами; все прочее ее части охватывают Океан, омывающий обширные выступы суши и огромной протяженности острова» (Тацит, Германия, I). Примечательно, что, сохраняя традиционные и в общих чертах соответствующие действительности границы Германии по водным рубежам (Рейн, Дунай, Океан), Тацит отказывается от принятой в античной картографии предшествующего времени (Агриппа, Мела) удобной восточной границы Германии по Висле, заменяя ее неопределенной пограничной областью «обоюдного страха» между германцами и их соседями, которая, по мнению Р. Муха, находится в Восточной Европе¹⁰.

Очертив границы Германии, Тацит описывает жизнь ее обитателей, а затем дает развернутую этнокарту. Начиная от римских провинций западнее Рейна, постепенно углубляясь на восток, Тацит перечисляет германские «народы» «рядами», вытянутыми параллельно Рейну, приблизительно в меридиональном направлении. Так он приближается к восточным границам, бесспорно, германского (для Тацита) мира и перечисляет «народы» последнего ряда, идущего от квадов в Моравии, через Западные Карпаты на верхнюю Вислу, затем по междуречью Вислы и Одера, где живут «лугии», и, наконец, на правый берег нижней Вислы (готоны) и в Поморье (ругии и лемовии). Собственно продолжением на север последнего ряда является описание живущих в Скандинавии свионов и ситонов,

а также эстиев на юго-западном берегу Балтики (Тацит, Германия, 28—45). Далее следует: «Здесь конец Свебии. Отнести ли певкинов, венетов и феннов к германцам или сарматам, право, не знаю, хотя певкины, которых некоторые называют бастарнами, речью, образом жизни, оседлостью и жилищами повторяют германцев. Неоприятность у всех, праздность и косность среди знати. Из-за смешанных браков их облик становится все безобразнее и они приобретают черты сарматов. Венеты переняли многое из их нравов (как явствует из контекста, из нравов сарматов. — Д. М.), ибо ради грабежа рыщут по лесам и горам, какие только ни существуют между певкинами и феннами. Однако их, скорее, можно причислить к германцам, потому что они сооружают себе дома, носят щиты и пере-

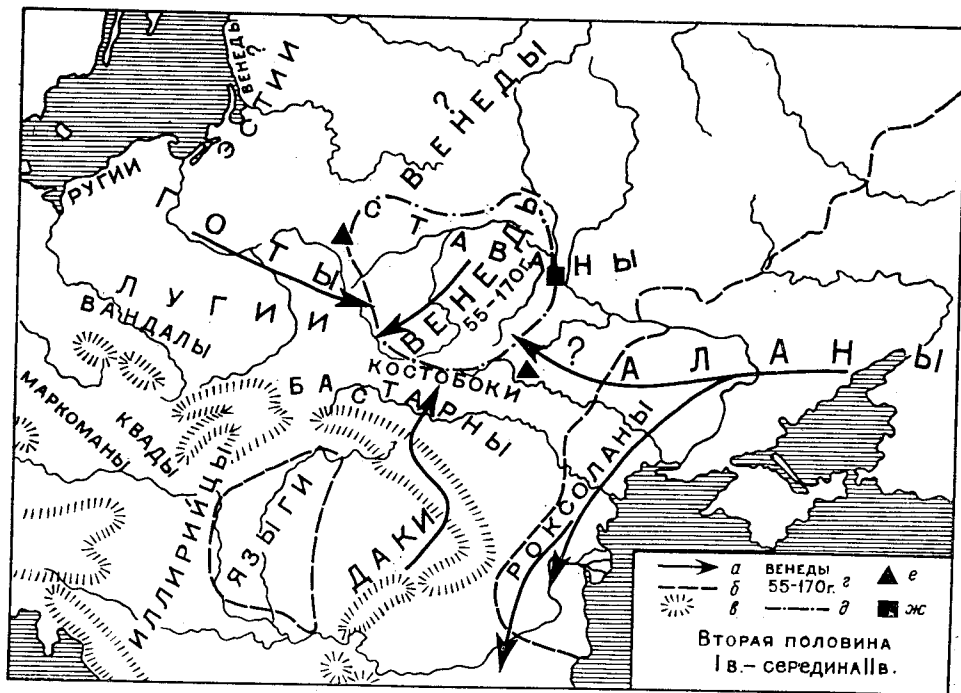

Рис. 1. Карта-схема мест обитания восточноевропейских венедов-венетов во второй половине I — середине II в. н. э., по данным античных письменных источников

Условные обозначения (общие для всех карт): а — направление миграции или военной активности; б — граница между лесостепью и степью; в — горы; г — время фиксации появления или существования этнической группы на данной территории. Условные обозначения (для первой карты): д — граница «зоны археологической труднодоступности»; е — могильники, продолжение «зарубинецкую» традицию в конце I — середине II в. н. э.; ж — поздnezарубинецкое поселение I—II вв. н. э. Лютеж

двигаются пешими, и притом с большой быстротой: все это отмежевывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне» (Тацит, Германия, 46). Затем идет рассказ о живущих на севере феннах и звероподобных людях, на чем и заканчивается сочинение Тацита.

Анализ текста «Германии», проведенный с учетом всех остальных письменных источников¹¹, позволяет утверждать следующее.

А. Большая часть приводимых Тацитом данных по этногеографии глубинных областей Восточной Европы (в том числе сведения о венедах) была получена римлянами в конце 50—60-х гг. н. э. Эти сведения могли пополняться вплоть до 98 г. н. э., когда была закончена «Германия».

Б. Как раз в 50—60-х гг. н. э. приобретает особый размах то интенсивное движение на запад различных групп ираноязычных кочев-

ников, именуемых у Тацита общим названием «сарматы», которое намечилось еще в первой половине I в. н. э. Наиболее яркое событие этого времени — выступление между 51 и 65 гг. н. э. аланов-массагетов на территории от Кавказа до Дуная. Видимо, с движением каких-то кочевников связано прекращение к середине I в. н. э. притока сведений о бастарнах на лесостепном правобережье Днепра и о бастарнах-певкинах в устье Дуная.

В. Не имеют под собой никаких оснований попытки некоторых исследователей усматривать в описанных Тацитом племенах лугиев (бассейн Вислы и Одера) славяноязычный этнический массив. Из контекста «Германии» явствует, что в составе лугиев преобладало германоязычное население, хотя, вероятно, присутствие здесь и иных этнических компонентов, родственных кельтскому и иллирийскому населению Центральной и Южной Европы. Су-

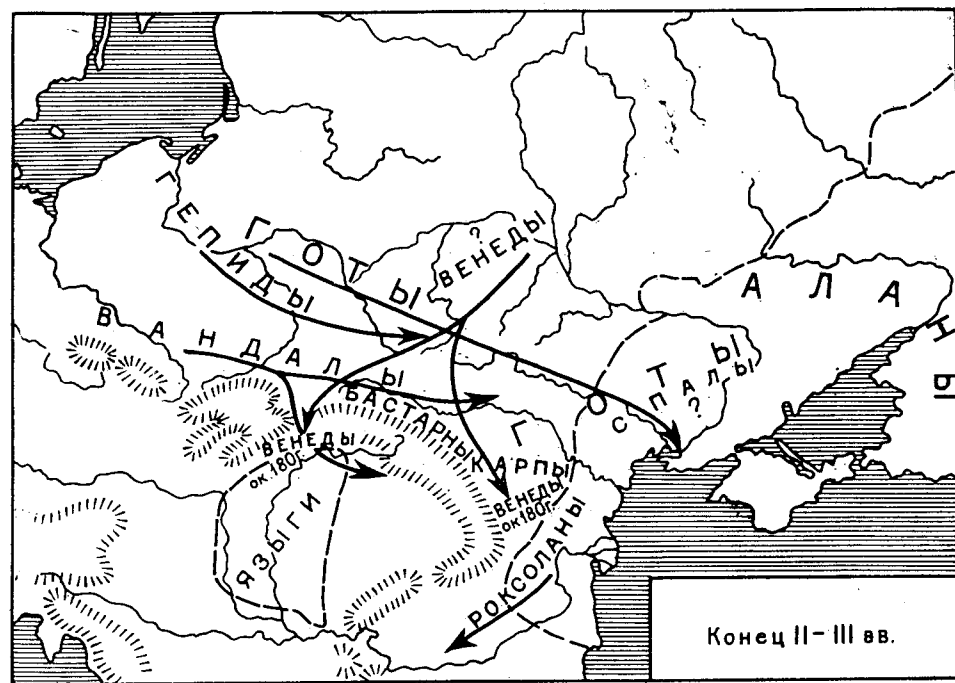

Рис. 2. Карта-схема предполагаемых мест обитания и миграций восточноевропейских венедов в конце II — начале III в. н. э., по данным античных и ранневизантийских письменных источников

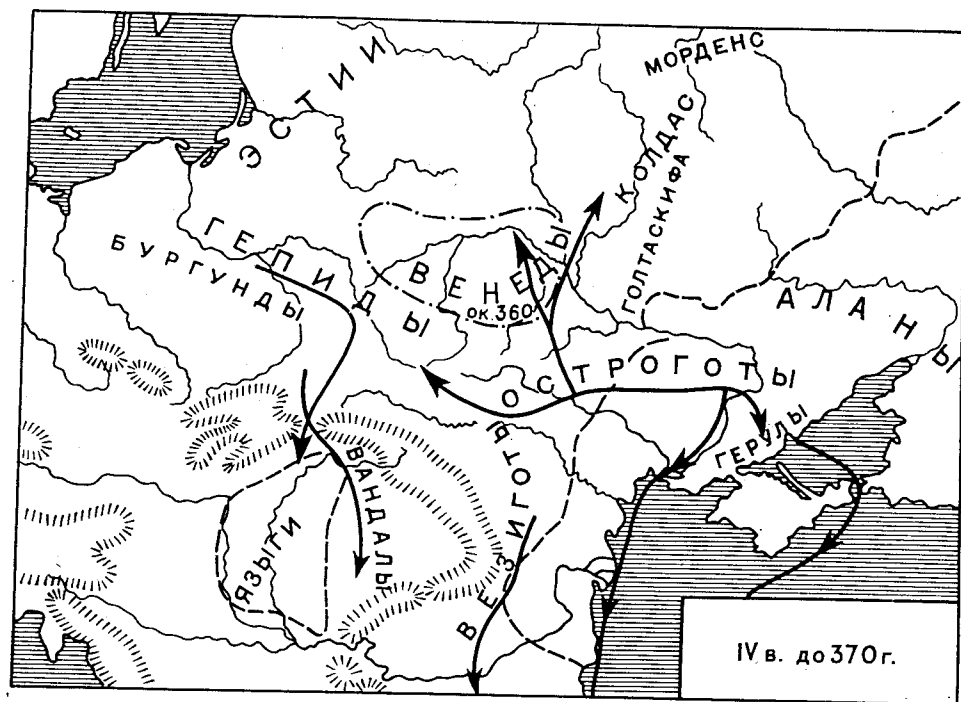

Рис. 3. Карта-схема мест обитания венетов-славян в IV в. н. э., по данным античных и ранневизантийских письменных источников

ществование в рамках лугийского союза племен I в. н. э. небольших групп славян не исключено, но маловероятно и пока не доказуемо. На востоке зона доминирования германоязычных племен простиралась несколько восточнее Вислы, примерно до среднего течения Западного Буга, смыкаясь в районе верховьев Днестра с областями прикарпатских бастарнов, в среде которых в I в. н. э. также преобладало германоязычное население.

Г. Территория возможного доминирования венетов во второй половине I в. н. э. соприкасалась с областью германцев, т. е. ограничивалась примерно средним течением Западного Буга, на юго-западе простиралась на Подольскую возвышенность, не достигая, однако, течения верхнего Днестра, где жили бастарны, а позднее и появившееся здесь в последней трети I в. н. э. дакийское племя костобоков. На юге граница между областями доминиро-

вания венетов и ирано-язычного кочевого мира, лидерами которого становились в Причерноморье аланы-массагеты и роксоланы, проходила в северной части лесостепи, по верхнему течению Южного Буга и, вероятно, несколько севернее Роси выходила к Днепру. Восточная граница венетов, по данным письменных источников, не улавливается. По представлениям Тацита, на севере область доминирования венетов простиралась до финнов. В последних исследованиях Тацита с достаточным основанием усматривают соприкасавшихся с германцами на севере Скандинавии далеких предков саами-лопарей¹², которые в те времена населяли также северную часть Финляндии, а возможно, даже Карелию и Архангельщину. Однако, если сведения о контакте венетов с германцами Повисленья, с бастарнами и кочевым миром носят у Тацита достаточно конкретный и убедительный характер и косвенно подтвер-

ждаются другими источниками, то указание на соприкосновение венетов и финнов имеет чрезвычайно общий характер и не подтверждается какими-либо показаниями других источников. Поэтому не ясно, сталкиваемся ли мы в лице тацитовых венетов с широким этнографическим понятием, заимствованным римлянами у германцев и обозначающим все народы лесной зоны Восточной Европы от лесостепи до Ладоги, или же в действительности венеты были известны германцам и римлянам лишь в южной части очерченной территории, где-то между Поднестровьем и Понеманьем, а сообщение о контакте венетов и финнов, представляет искусственную конструкцию римских ученых, соединивших в целостную этногеографическую картину полученные из разных источников сведения о финнах на севере Скандинавии и о венетах восточнее Повисленья.

Д. Если считать областью обитания и до-

минирования венетов все леса между лесостепью и Ладогой, то тогда, из соображений общенсторических и лингвистических, следует допустить, что общим названием «венеды-венеты» германцы обозначали какие-то группы западных финнов, балтов, балто-славян, предков исторических славян и, возможно, некие этнические группы, близкие к балканским венетам и иллирийцам. С этим широким значением термина «венеды», вероятно, связаны и сообщения Плиния о неких венетах на восточном побережье Балтики в последние века до н. э., и свидетельство Генриха Латыша о незначительной группе неких венетов в тех же местах в XII—XIII вв. Однако, если считать только с южной частью области тацитовых венетов, где они выступают как историческая реальность, то естественнее всего видеть в этих «реальных» венетах либо родственную западнобалканскому населению этническую группу, которую условно назовем «северными

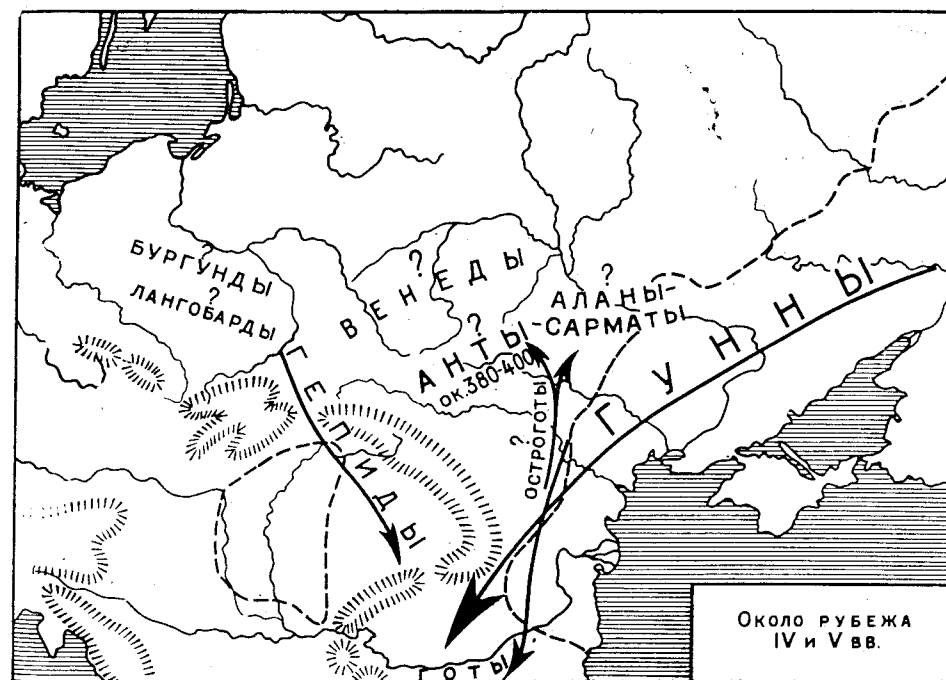

Рис. 4. Карта-схема мест обитания венетов-славян и антов около рубежа IV и V вв. н. э., по данным античных и ранневизантийских источников

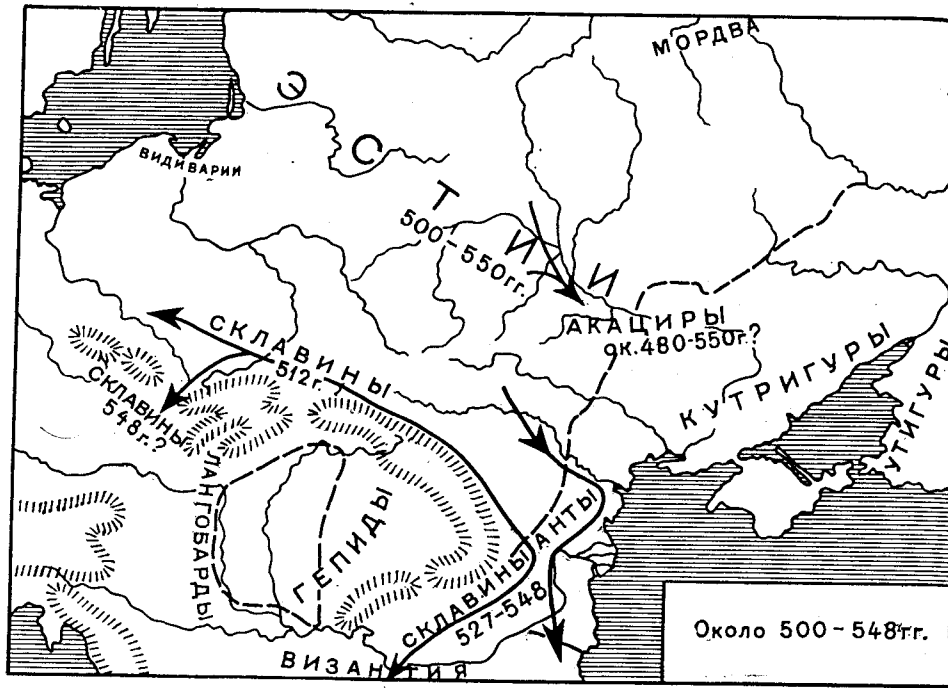

Рис. 5. Карта-схема мест обитания склавинов и антов с начала VI в. н. э. по конец 540-х гг., по данным ранневизантийских авторов

иллирийцами», либо непосредственных предков исторических славян (вместе с пограничными балто-славянскими группами). Ряд косвенных соображений делает более предпочтительной гипотезу о славянстве южной части венетов Тацита. Как известно, именно в области «реальных» венетов Тацита локализуются «ставаны», помещенные Птолемеем между народами Прибалтики и степняками-аланами. По общему мнению, это сообщение Птолемея восходит к описанию торгового пути, составленному купцами, торговавшими в Восточной Европе в I—начале II в. н. э., и ряд исследователей склонен усматривать в «ставанах» искаженное самоназвание славян. Кроме того, Тацит во всех случаях, когда речь идет о «народах» негерманских, или таких, в «германстве» которых он сомневается, оговаривает, к какому известному римлянам «варварскому» языку близок язык описываемого

народа. Говоря же о венетах, этническая принадлежность которых была для него спорной и об этнографии которых Тацит как будто имел хорошее представление, он почему-то умалчивает об их языке. Возможно, именно в этом случае у Тацита отсутствовали какие-либо данные о языке, но можно допустить и другое: у Тацита (или его информаторов) были сведения о языке венетов, но этот язык оказался для римских купцов совершенно новым, не имевшим аналогий. Подобная ситуация маловероятна, если речь идет о языке, близком к иллирийскому, который был известен Тациту, и вполне естественна, если речь идет о славянском языке.

Е. Территория обитания и область набегов «реальных» венетов Тацита соответствует северной части той области «обоюдного страха» между германцами и сарматами, которая, по Тациту, ограничивает «Германию» с востока.

Неслучайность такого совпадения подкрепляется описанием образа жизни венетов. По Тациту, они похожи на сарматов тем, что переняли у последних склонность к постоянным грабительским набегам. Таким образом, активность «сарматов» в области «обоюдного страха» подтверждается не только показаниями других источников, но и текстом самого Тацита. Венеты, с одной стороны, вероятно, подвергались набегам сарматов, с другой — сами выступают как активная воинственная сила. К описанию венетов Тацит подходит, двигаясь с запада на восток, и поэтому сведения о венетах, скорее, относятся к более знакомой римлянам и германцам западной части венетской территории, т. е. к западным частям Полесья, Волыни и Подолии. На этой территории венеты, с одной стороны, как будто живут («строят дома»), с другой — их жизнь здесь как-то не стабильна и характеризуется постоянными грабежами и передвижениями («ради грабежа рыщут»). Действительно, отнеся бастарнов к германцам по таким признакам, как язык, образ жизни, оседлость, жилища и праздность среди знати, Тацит в следующих же фразах почему-то не решился по этим же признакам отнести к германцам и венетов. Видно, ни язык, ни ряд «германских» обычаев, ни достаточно оседлый образ жизни, ни «праздность знати» не были свойственны венетам. Очень важно решить, против кого были направлены грабежи венетов: наносили ли «они удары по прикарпатским бастарнам или речь идет о столкновениях между племенами венетов. Весьма вероятно, что грабежам подвергалось и некое население, жившее на очерченной территории до появления венетов и к моменту, описанному Тацитом, уже не представлявшее самостоятельную и достойную описания этническую группу.

Ж. Создается впечатление, что в области между верховьями Припяти и Днестра венеты во второй половине I в. н. э. выступают как недавно появившаяся здесь сила, как воинственные завоеватели, не вполне еще освоившие эту территорию. Поскольку области к западу от Вислы, по данным письменных источников, еще в I в. до н. э. были заняты населением, в среде которого преобладал германоязычный элемент, постольку и территория, откуда появились венеты и где они, возможно, продолжали обитать и в исследуемое время, мыслится севернее или восточнее западных частей Полесья, Волыни и Подолии. Возможно, движение венетов было каким-то образом связано с мощной миграцией кочевников около

середины I в. н. э. на запад. А представление о более северной или восточной родине «реальных» венетов Тацита, при сопоставлении с данными языкознания, делает более вероятной гипотезу о «славянстве» этих венетов и менее вероятной — гипотезу об их «иллирийстве».

З. Анализ письменных источников, отражающих действительность II в. н. э., дает все основания предполагать, что зафиксированная Тацитом этнокарта оставалась в основных чертах неизменной до 160-х гг. н. э. и вплоть до этого времени основная масса венетов обитала на той территории, где их отмечает Тацит в «Германии».

Однако лишь обращение к археологическому материалу может поставить на прочную основу изложенные выше выводы и наблюдения.

3. Зарубинецкая культура. Карта археологических единств (культур, групп памятников) I в. н. э. в Центральной и Восточной Европе в основных чертах обнаруживает поразительные совпадения с этнокартой Тацита (с привлечением наиболее достоверных сведений Страбона, Плиния, Птолемея, Иордана). Действительно, в I в. н. э., в области между Одером и Западным Бугом, в их верхнем и среднем течении, существует пшеворская культура, а в нижнем Повисленье и в низовьях Западного Буга — вельбарско-цельская; первая из них увязывается с лугийским, а вторая — с готогепидским союзом племен. В лесостепной области, между Карпатами и Днестром, около середины I в. н. э. появляются многочисленные «сарматские» могильники, подтверждающие сообщения античных авторов о сильном натиске и глубокоом проникновении кочевых племен на запад и север. В Поднестровье, в южной части области «обоюдного страха», где-то в первой половине I в. н. э. прекращают свое существование могильники пшеворского (лугийского?) типа, зато в конце I в. н. э. появляются могильники сарматские¹³. Могильники Верхнего Поднестровья типа некрополя у Звенигорода, в третьей четверти I в. н. э. дающие смешанную пшеворско-дакийско-сарматскую культуру, вероятно, оставлены бастарнами, а возникающие где-то во второй половине I в. н. э. липицкие памятники — появляющимися здесь в конце I в. н. э. костобоками.

Таким образом, мы видим, что этнокарта Тацита в целом отличается высокой степенью достоверности. Поэтому с большим вниманием следует отнестись к тем памятникам, которые

в I в. н. э. заполняют область обитания венетов. В рамках очерченной выше территории венетов и на ее границе действительно обнаруживаются достаточно однотипные памятники зарубицкой культуры, существование которых в I в. н. э., судя по литературе, не вызывает сомнений. Многие исследователи убеждены в славянской принадлежности этих памятников, а сопоставление зоны их распространения с очерченной нами областью венетов Тацита напрашивается само собой. Однако при внимательном сравнении письменных и археологических источников картина оказывается не столь простой и ясной.

Во-первых, в письменных источниках имеется сообщение, что племена бастарнов, проникнувшие во II в. до н. э. из Восточной Европы через Дунай, на Балканы, говорили на

языке, близком иллиро-кельтским языкам местного населения (Т. Ливий. История, XC, 57, 6; XCIV, 26, 2; XCIV, 27). Как мы пытались показать в предшествующих работах, эти ранние бастарны могут быть соотнесены с поздними поморскими — раннезарубицкими памятниками Поднепровья¹⁴. Думается, что нельзя игнорировать это свидетельство, говорящее о присутствии в Восточной Европе населения, родственного западнобалканскому кругу.

Во-вторых, когда к концу II в. до н. э. в Восточной Европе оформляется зарубицкая культурная общность, то в ее составе хорошо различаются четыре группы памятников, выделяемых, в основном, по материалу достаточно больших и постоянно действующих могильников: Полесско-Волынская, Средне-Днепровская, Верхне-Днепровская и Молдав-

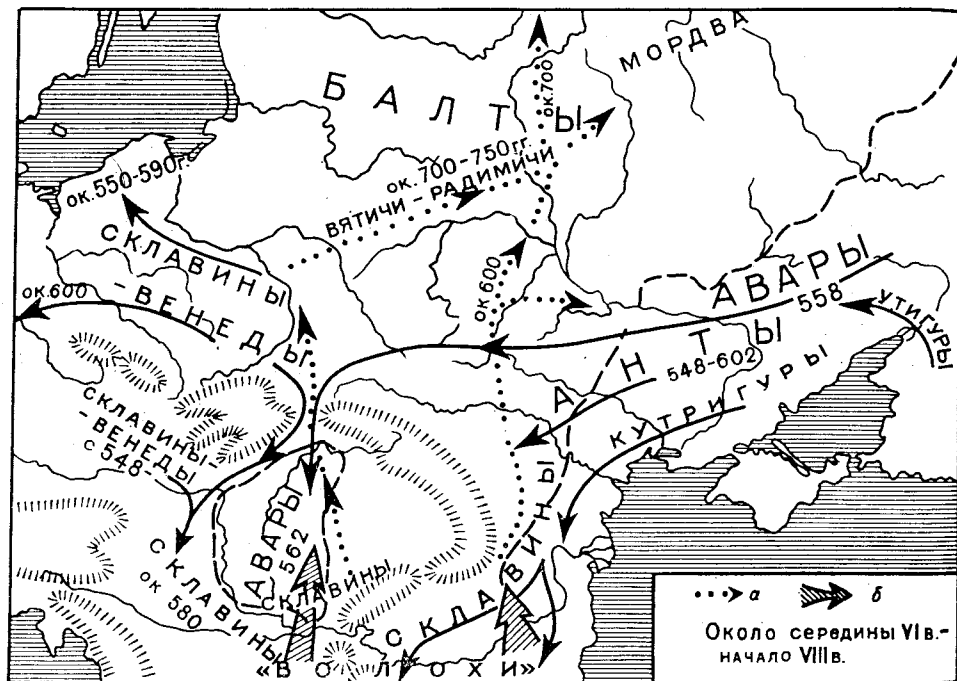

Рис. 6. Карта-схема мест обитания и путей миграций славян в середине VI — начале VIII в. н. э., по данным ранневизантийских авторов и «Повести временных лет»

Условные обозначения: а — направления миграций славян на север и северо-восток в конце VI — начале VIII в. н. э.; б — походы византийской армии против придунайских славян в 594—602 гг.

ская. Из них первая складывается на базе распространяющейся с запада на восток поздней поморской культуры, известной в IV—II вв. до н. э. на территории Польши, а также в верхнем течении Западного Буга, Горыни, Припяти и Днестра; вторая возникает в результате смешения различных западных («поморских» и иных) пришельцев с каким-то местным восточноевропейским населением; сложение третьей также не обошлось без миграции и культурных импульсов с запада, хотя их пути и характер еще не вполне ясны. Наконец, Молдавская группа создается пришельцами из Нижней Силезии и Восточной Германии, несущими культуру, близкую к поморской, и контактирующими в Молдавии с местным населением дакийского круга¹⁵. Молдавская группа, а также, возможно, и близкие к зарубицким памятники в южной части Среднего Поднепровья, по Тясмину (типа могильника у с. Суботов), достаточно убедительно связываются с теми бастарнами, которые с конца II в. до н. э., по сообщению Страбона, населяли земли к северу от кочевников-сарматов в Причерноморье. В среде населения, именуемого бастарнами, с конца II в. до н. э. преобладал, по согласному свидетельству всех источников, германоязычный элемент. Молдавская группа памятников, видимо, прекращает свое существование около середины I в. до н. э., и ее территория находится в стороне от области венетов Тацита, однако этническая атрибуция этой группы должна учитываться и при попытках определения этнического лица населения, оставившего три северные группы зарубицких памятников.

На могильниках Полесско-Волынской, Средне-Днепровской и Верхне-Днепровской групп (территория их приблизительно соответствует области венетов Тацита), по меньшей мере, в течение 150 лет (весь I в. до н. э. и часть I в. н. э.) непрерывно производились захоронения сожженных останков. Но где-то в I в. н. э. в пределах очень короткого временного промежутка с населением, оставившим эти группы памятников, происходит нечто, заставляющее его отказаться от захоронения умерших на прежних местах и по-прежнему обряду. Связано ли это изменение с уходом или уничтожением местного населения — не известно. Даже если объяснять этот факт внезапным изменением условий жизни или религиозных представлений, все же ясно, что население, оставившее зарубицкие памятники, испытало какое-то сильнейшее потрясение или воздействие со стороны.

Захоронения на зарубицких могильниках Среднего Поднепровья прекратились где-то в пределах I в. н. э. Более точно определить дату, исходя из материалов самой зарубицкой культуры, невозможно, но проведенное М. Б. Шукиным сопоставление поздних зарубицких материалов с сарматскими делает вероятным предположение, что где-то во второй четверти I в. н. э. «зарубицкое» население Поднепровья между устьями Тясмина и Десны испытало сильный удар со стороны сарматов¹⁶, в результате чего и прекратились захоронения на зарубицких могильниках. Со второй четверти I в. н. э. по Тясмину и в Поросье обосновываются сарматы, однако в более северных районах Поднепровья, между устьями Трубежа и Припяти, обнаружены поселения I—II вв. н. э., в материалах которых прослеживается дальнейшее развитие зарубицкой культуры Среднего Поднепровья. Видимо, именно в это время часть зарубицкого населения передвигается на север и северо-восток, в частности в район Поднепровья, лежащий между устьями Десны и Припяти, где пока неизвестны зарубицкие памятники ранее рубежа н. э. Любопытно, что в этих северных районах еще не обнаружены крупные могильники, синхронные поздним поселениям.

В Полесской группе наиболее поздней хорошо датированной вещью, которая, очевидно, происходит из разрушенного зарубицкого погребения, является сложнопрофилированная фибула из могильника у с. Отвержицы, относимая к 40—70-м гг. н. э.¹⁷ Обычно позднюю дату типичных зарубицких могильников Полесья определяют как конец I в. н. э., указывая на отсутствие глазчатых фибул, датированных А. К. Амброзом II в. н. э.¹⁸ Хронологические сопоставления убедили нас, что некоторые типы глазчатых фибул, встречающиеся в Восточной Европе (Альмгрен 53, 57—59), возникают не во II в. н. э., а еще в конце I в. н. э. Поэтому отсутствие этих фибул на классических зарубицких могильниках Полесья говорит в пользу того, что использование могильников прекратилось несколько ранее конца I в. н. э. Учитывая все сказанное, а также близость фибул местных восточноевропейских типов из поздних зарубицких погребений Полесья и Среднего Поднепровья, мы склонны предполагать, что захоронения на могильниках Полесья прекратились где-то между 40—70-ми гг. н. э.

Приблизительно тогда же перестали хоронить умерших и на зарубицких могильниках Верхнего Поднепровья.

Иными словами, тому периоду, когда были получены использованные Тацитом сведения о венетах (конец 50-х—98 г. н. э.), соответствует не период расцвета зарубинецкой культуры, а отрезок времени, когда эта культура претерпела сильнейшие потрясения.

Особенно важна для нас судьба зарубинецкой культуры Полесья, поскольку ее территория лежит как раз в центре области «реальных» венетов Тацита. Пока что отсутствуют какие-либо данные, говорящие о том, что во II в. н. э. на территории Волины и Полесья в сколько-нибудь выраженной форме продолжается развитие полесского варианта зарубинецкой культуры. На основной территории «реальных» венетов Тацита к концу I в. н. э. по конец II в. н. э. не известно ни одного убедительно датированного погребального комплекса, и, более того, в отличие от Поднепровья, в Полесье не известны даже поселения этого времени. Пока что единственным зарубинецким могильником, дающим комплексы конца I — первой половины II в. н. э., является могильник Рахны в верхнем течении Южного Буга¹⁹, где достоверные зарубинецкие памятники более раннего времени неизвестны. Некоторые элементы зарубинецкой традиции прослеживаются на расположенном к северу от Западного Буга могильнике Гриневичи Вельки, использовавшемся в конце I—II вв. н. э.²⁰

«Поздnezарубинецкие» поселения в северной части Среднего Поднепровья и некоторые элементы зарубинецкой традиции в культуре II—IV вв. н. э. Верхнего Поднепровья и Подессы вряд ли имеют прямое отношение к судьбе зарубинецкой культуры Полесья и Волины.

Итак, область «обоюдного страха» между германцами и сарматами, к которой, по Тациту, относятся земли бастарнов и венетов, в южной своей части (бастарнской) соответствует зоне быстро сменяющих друг друга, существующих чересполосно и взаимодействующих культур Поднестровья I—II вв. н. э., а в северной (венетской) части — зоне внезапного исчезновения Полесско-Волинского варианта зарубинецкой культуры и существующей затем на его месте в конце I—II в. н. э. зоне археологической пустоты. Лишь на восточной (поселения типа Лютеж), южной (могильник Рахны) и западной (могильник Гриневичи Вельки) границах этой пустынной области прослеживаются археологические памятники, продолжающие зарубинецкую традицию. Если прекращение захоронений на старых могильниках и отход к северу «зарубинецкого» насе-

ления Среднего Поднепровья легко объясняются натиском со стороны сарматов или роксоланов, то подобные явления в Верхнем Поднепровье и, в особенности, гибель зарубинецкой культуры Полесья и Волины трудно объяснить набегами кочевников. Скорее, речь может идти о каких-то столкновениях и миграциях, происшедших в середине или конце I в. н. э. в среде относительно оседлого населения лесостепной и лесной зон; возможно, опустошительные набеги кочевников, направленные на север, были лишь толчком, вызвавшим эти миграции.

После всего вышеизложенного вряд ли можно, при современном уровне наших знаний, отождествлять зарубинецкую культуру Волины и Полесья с венетами или безоговорочно считать ее славянской. Конечно, можно предполагать, что «зарубинецкое» население Полесья, пережившее какие-то потрясения в третьей четверти I в. н. э., продолжает и дальше жить на своих местах, лишь как-то изменив формы жизни и обряд погребения, и что именно это население было известно Тациту под именем венетов. Однако с не меньшим основанием можно думать, что полесские памятники прекратили свое существование, а «зарубинецкое» население Полесья отступило на запад и на юг в результате вторжения в третьей четверти I в. н. э. с севера или с востока новых этнических групп, которые и отмечены у Тацита как находящиеся в постоянном движении и занимающиеся грабежами венеты.

С какими археологическими единствами можно связывать при таком решении вопроса венетов Тацита? Пока что единственным археологическим признаком этих венетов является отсутствие археологических памятников в зоне их обитания. Если кратковременные, почти лишенные культурного слоя поселения венетов, вероятно, просто еще не уловлены, то полное отсутствие каких-либо погребений, которые в Полесье обычно обнаруживаются быстрее и легче поселений, представляется странным. В связи с этим отметим, что для культур железного века, расположенных севернее и северо-восточнее Полесья (культура штрихованной керамики, Днепродвинская, Юхновская, Дьяковская культура, группа «зарубиновидных» памятников Подессы I—II вв. н. э. и др.) вообще, по-видимому, не характерны захоронения в земле на больших постоянно действующих могильниках. Очевидно, в этой северной культурной зоне преобладали какие-то похоронные обряды, не оставляющие для археологов почти никаких следов. Не яв-

ляются ли венеты Тацита пришельцами из южных областей этой зоны, принесшими с собой и археологически неуловимый похоронный обряд? В связи с этим отметим, что и в эпоху расцвета зарубинецкой культуры в I в. до н. э. — первой половине I в. н. э. между тремя ее группами также существует обширная зона «археологической пустоты», охватывающая нижнее течение Припяти и бассейн Уборти, Ужа и Тетерева. Добавим, что если окраинные районы этой области в последующее время и заполняются кое-каким археологическим материалом, то центр пустует в течение 600 лет, от времени прекращения существования в этих местах милоградской культуры (III—II вв. до н. э.) до времени появления здесь славянских памятников типа Корчак (VI—VII вв. н. э.). В последние годы в юго-восточной части этой зоны обнаружены так называемые «памятники киевского типа» III—V вв. н. э., однако пока вся эта область подробно не изучена в археологическом отношении, многие поставленные в нашей статье вопросы останутся висеть в воздухе.

4. Венеды «Певтингеровых таблиц». На карте, восходящей к оригиналу, созданному в римское время и отражающему реальность II — первой половины III в. н. э., впервые и единственный раз венеды отмечены в римское время в Подунавье. Первый раз они названы «венеды-сарматы» и помещены где-то в пределах Карпатской котловины, а во второй раз под именем «венеды» обозначены к северу от низовьев Дуная. Поскольку в более раннее время венеды в этих местах не известны, а начиная с 160-х гг. отмечается сильный натиск северных «варваров» на Дунайскую котловину, естественнее всего связать появление венетов в Подунавье с движением на юг каких-то групп тех венетов, которых ранее описал Тацит. Интересны пути проникновения венетов в Подунавье. Западная их группа, видимо, проникла сюда через какие-то перевалы в Карпатах, а восточная группа двигалась на юг восточнее Карпат. Однако поскольку эти венеды во II—IV вв. н. э. не играют сколько-нибудь заметной роли в истории Подунавья, видимо, численность их была незначительной, и трудно предположить, что все венеды Восточной Европы, характеризующиеся Тацитом как очень крупная этническая группа, переселились в конце II — начале III в. н. э. в Подунавье; тем более, что лишь полтора века спустя источники вновь фиксируют неких венетов примерно на той же территории, где помещал венетов Тацит.

5. Древнейшие венеты-славяне. Подробному анализу древнейшего достоверного свидетельства о славянах-венетах у Иордана мы посвящаем отдельную работу²¹ и ниже остановимся на основных результатах этого анализа.

По восходящим к готским народным преданиям сведениям, готы, появившись (около рубежа н. э. — Д. М.) в нижнем Повисленье, разбили ульмеругов (руниев Тацита. — Д. М.) и вандалов (в Повисленье и междуручье Вислы-Одера. — Д. М.) и затем через болотистую область (западное Полесье. — Д. М.) двинулись в сказочно плодородную страну Ойум (украинская лесостепь с самыми мощными в Европе черноземами. — Д. М.), затем вступили в борьбу с народом спалов (спален Плиния Старшего — одно из племен степной зоны, вероятно, аланского круга. — Д. М.) и, наконец, достигли побережья Понта — Черного моря. Любопытно, что ни в Западном Полесье, ни в западных областях украинской лесостепи готы не встретили никакого сопротивления. Не сталкиваемся ли мы здесь снова с той областью «обоюдного страха» между германцами, венетами и кочевым миром, которая отмечена Тацитом? Интересно также, что западное Полесье, где, согласно преданию, осталась часть готов, довольно выразительно описано как пустынная страна, где с трудом улавливаются признаки человеческого пребывания (Иордан, Гетика, 27—28).

Позднее, описывая эпоху расцвета и экспансии остроготского союза племен, Иордан рассказывает о войне (около 350—370 гг. н. э. — Д. М.) рекса Германариха с венетами — предками хорошо известного Иордану склавеннов, антов и венетов VI в. н. э. (Иордан, Гетика, 116—120). Из текста Иордана следует, что венеты находились в непосредственном соседстве с той областью, где доминировали остроготы, хотя и не были подчинены им до войны с Германарихом; что, вероятно, они жили между остроготами и айстами (соответствуют эским Тацита. — Д. М.); что, переводя иорданскую характеристику венетов на современный язык, они по характеру вооружения и типу военной организации относились совершенно к иной историко-культурной зоне, нежели германцы; что, наконец, венеты были чрезвычайно многочисленны.

Территория, подчиненная остроготам, ко времени воцарения Германариха охватывала, по данным ряда источников (Иордан, Аммиан Марцеллин и др.), степные области Северного Причерноморья (в основном, по течением

больших рек) и большую часть черноземной лесостепи между Днестром и Днепром. Безусловно, в очерченной области жили не только готы, но они явно доминировали здесь. С севера и северо-востока, в районе Днепровского левобережья, к ним примыкал ряд племен, относящихся, судя по названиям — Колдас, Голтаскифа, к балтам и занимавших место между готами и финноязычными племенами Поволжья — меренс, морденс и т. д. Восточнее готы жили аланы, юго-восточнее, у Азовского моря, — герулы, к югу от готы находилось Черное море, западнее их, за Днестром, жили везиготы, а еще далее, в Карпатской котловине, — вандалы. На северо-западе, в районе западной Волыни, готы сталкивались с враждебными им гепидами, большая часть которых в середине IV в. еще оставалась на севере, а также с другими германскими племенами Повисленья (бургунды, скиры, руги и др.). Возможно, в Повисленье в это же время проникают и славяне-венеты, однако, судя по всему, они не могли занимать там значительную территорию и являться сколько-нибудь ощутимой силой. Таким образом, единственным местом для обитания венетов-славян, как самостоятельной, своеобразной и монолитной этнической группы, остается Припятское Полесье и бассейн Тетерсва с некоторыми прилегающими областями, т. е. территория, действительно находящаяся на прямой линии между Причерноморьем, где жили готы, и Прибалтикой, где жили эстии-айсты. При наложении этой этнокарты на карту археологическую оказывается, что области безусловного доминирования готы в общих чертах соответствует, как это утверждал М. И. Артамонов, зона распространения классических памятников черняховской культуры Повисленья и что территория венетов IV в. н. э. соответствует зоне, которую не заполняют какие-либо выразительные массовые памятники. Мы не знаем, какая археологическая культура (или культуры) была распространена во II—IV вв. н. э. в области, очерченной средним и нижним течениями рек Горыни и Тетерсва, а также по обоим берегам Припяти в ее среднем и нижнем течении. Немногочисленные погребения, обнаруженные в отдельных районах этой территории и относящиеся к III—IV вв. н. э., связываются Ю. В. Кухаренко с древностями гето-гепидского круга, но они не образуют здесь сколько-нибудь выраженного пласта археологических памятников.

6. Древнейшее упоминание антов. Те анты, с которыми вослали остроготы Вини-

тария, могли обитать в лесостепной зоне между Карпатами и Днепром, скорее, в западной части этой зоны. Пока не обнаружена группа памятников, которую можно было бы определенно связать с антами конца IV в. н. э., хотя привлекают внимание некоторые своеобразные «черняховские» поселения Верхнего Поднестровья.

7. Древнейшее упоминание этнонима «склавыны» связано с сообщением Прокопия о том, что около 512 г. большая часть германского племени герулов, потерпевшая поражение от лангобардов и гепидов на правом берегу Дуная, в среднем его течении решила вернуться в свою далекую северную прародину и на пути туда прошла сначала «через все племена склавынов», затем через огромную пустыющую область, через племена варнов (северная Германия. — Д. М.), данов (Дания. — Д. М.) и прибыла на остров Туле (Прокопий, Война с готами, VII (III), 14—15). Анализ этого сообщения, в сопоставлении с другими данными письменных источников, позволяет утверждать, что около 512 г. какая-то часть склавынов населяла области, прилегающие с севера к западным Карпатам и, возможно, восточным Судетам, т. е. занимала земли по верхнему течению Вислы, а может быть, и по верхнему течению Одера. Очень любопытно, что примерно в междуречье Одера и Эльбы, где в начале VII в. славяне уже отмечаются как постоянное население, еще в 512 г. помещается некая «пустыющая область». Создается впечатление, что зона грабежей и набегов, зона «обоюдного страха» как бы шла впереди волны славянской колонизации, по мере движения ее на запад.

Хотя на территории южной и центральной Польши и обнаружены славянские памятники, суммарно датирующиеся VI—VII вв., однако пока что среди них мы не можем выделить какой-то археологический пласт, который на основании его собственных материалов мог бы быть датирован концом V — первой половиной VI в. н. э. (т. е. временем около 512 г.)

8. Склавыны и анты в Подунавье. Обычно весь VI в. рассматривается как единый и нечленимый период в истории славян, тревожащих византийскую границу в Подунавье. Анализ весьма многочисленных источников убедил нас, что история расселения придунайских славян в VI в. н. э. отчетливо делится на два периода.

Первый период охватывает промежуток от начала царствования Юстиниана (527 г.) по конец 540-х гг. В это время анты и склавыны

выступают на нижнем Дунае уже как значительная сила. Однако косвенные данные позволяют предположить, что появление их здесь относится еще к первой четверти VI в. В это время и склавыны и, подчеркиваем, анты живут на левобережье Дуная, причем на первых порах анты выступают в столкновениях с Византией как более активная сила, нежели склавыны. Союзнические отношения между склавынами и антами сменяются военными столкновениями, в которых анты терпят поражение. Военная активность склавынов на дунайской границе нарастает, и Византия начинает заигрывать с антами, предлагая им союзнические отношения. Однако антам не удается удержаться в Подунавье, с конца 540-х гг. жителями левого берега Дуная византийские писатели называют только склавынов, и с этого времени только склавыны, без участия антов, продолжают нападения на византийские земли и колонизацию их. Около 548—549 гг. склавыны впервые отмечаются к северу от верхнего течения Дуная, примерно в области Моравии и южной Чехии. Основными источниками по истории славянства этого периода являются первые три книги «Истории войны с готами» Прокопия Кесарийского (написаны в 545—551 гг.), сообщающие о событиях славянской истории не позже 547 г., и «Стратегикон» псевдо-Маврикия — славяно-антский экскурс этого трактата явно опирается на источники, отражающие реальность второй четверти VI в. н. э.

В Подунавье уже хорошо выявлена археологическая культура середины VI—VII в. н. э., связываемая со славянами, однако однослойные поселения или могильники, которые бы убедительно датировались первой половиной VI в. и относились бы к периоду совместного пребывания на Дунае антов и склавынов, пока не обнаружены (или не выделены из общей массы материала).

В рамках второго периода (конец 540-х гг. — рубеж VI и VII вв.) склавыны живут в Подунавье и вдоль восточного склона Карпат, достигая на севере верхней Вислы (а к 590 г. распространяясь вплоть до побережья Балтики) и на востоке — Днестра. Они воюют с Византией, а с 578 г., после короткой войны с аварами, выступают в длительные подчиненно-союзнические отношения с последними. В это время вытесненные из Нижнего Подунавья анты живут в южной части Днестро-Днепровского междуречья, где их локализует и Иордан (в своем труде, написанном в 550—551 гг. — Гетика, 34—35), а также в области

порожистой части Днестра, где, видимо, их помещает Прокопий (в той части своего труда, которая окончена в 554 г., — Война с готами, VIII (IV), 2—4). В этих же местах, как явствует из контекста, они известны Менандру около 558 г. и Михаилу Сирину около 586 г. В отличие от склавынов, анты поддерживают союзнические отношения с Византией и враждебные — с аварами и самими склавынами, на территорию которых они вторгаются по наущению византийцев. И только для этого периода славянской истории мы, наконец, имеем целый пласт археологических памятников, убедительно датирующихся серединой VI в. и более поздним временем. Это преимущественно открытые поселения, со слабо выраженным культурным слоем и жилищами — полуземлянками, и могильники, состоящие из бедных инвентарем бескурганных и курганных захоронений, совершенных по обряду трупосожжения. В Чехии, Моравии и южной Польше (т. е. в чисто склавынской области) основным типом посуды является горшок «пражского» типа, в антской области восточнее Днестра — отличные от «пражского» типа горшки «типа Пенковки» двух вариантов, а на нижнем Дунае и в Молдавии — как горшки «пражского типа», так и близкие к «пенковским», что, вероятно, объясняется тесным взаимодействием здесь в предшествующее время антов и склавынов, а также включением отдельных групп антов в склавынский союз племен.

К VI в. относят и чрезвычайно близкие чешским, польским и некоторым северобалканским славянские памятники «типа Корчак», занимающие лесное правобережье Днестра с центром в бассейне Тетерсва. Однако заметим, что Иордан, в своем рассказе о событиях IV в. помещавший славян-венетов примерно в этих местах, в своей этнокарте Восточной Европы VI в. ничего не сообщает о пребывании здесь какой-либо славянской группировки. Более того, в его этнокарте VI в. имеется обычно не принимаемое во внимание указание на непосредственное соседство прибалтийских айстов со скотоводческим населением степей (Иордан, Гетика, 36, 37). Такое соседство могло иметь место, скорее всего, именно в Среднем Поднепровье и в таком случае говорит о сильном продвижении балтов к рубежу V—VI вв. в южном направлении. Сведения Иордана подтверждаются археологическим фактом распространения на юг, вплоть до Среднего Поднепровья, и именно в V — начале VI в. (как полагает Г. Ф. Корзухина) характерных балтийских вещей с эмальями.

Вероятно, к этому же времени относится распространение в области между Горынью и Днепром, по крайней мере, части тех балтийских топонимов, которые выявлены здесь в последнее десятилетие. Так что ранние памятники «типа Корчак» либо были оставлены какой-то группой славян, о которой Иордану ничего не было известно, либо они появились на Тетереве позднее середины VI в. Обломки «пеньковской» керамики, найденные на поселении типа Корчак, также не позволяют датировать его ранее середины VI в.

9. Уход части славян с Дуная на север. В конце VI в., обеспокоенная активностью славян, Византия переходит в наступление. О событиях этого времени, видимо, рассказывала несохранившаяся 49 глава «Церковной истории» Иоанна Эфесского (около 586 г.), имевшая знаменательное название — «О завоевании и опустошении страны славян». В 578 г. византийцы переправляют через Дунай аваров для нападения на славян, а к 594—602 гг. относятся целая серия победоносных походов византийских полководцев Прииска, Петра и Гудуина в славянские земли по нижнему и среднему Днепру, приводящих к массовому уничтожению и пленению славянского населения. Видимо, именно эти события отразились в русской летописи в рассказе о нашествии волохов на дунайских славян. Это нашествие хронологически помещено в летописи после расселения славян в Моравии и Чехии, что, по византийским источникам, произошло около середины VI в. н. э., и до нашествия болгар на дунайских славян около 670 г., т. е. отнесено к тому временному промежутку, к которому относятся победы византийского войска над славянами²³. Известно, что волохами, влахами славяне и позднее именovali романоязычное население, так что под названием «волохи» летопись, вероятно, подразумевает, с одной стороны, византийскую армию, где в VI в. еще была распространена латынь, а с другой — романоязычное население Балканского полуострова, после разгрома дунайских славян частично завявшие некогда принадлежавшие ему плодородные земли на левобережье Дуная.

После удара со стороны византийцев, подвергаясь одновременно натиску романского населения, аваров и болгар, славяне значительными массами покидают левобережье Дуная, причем одни уходят на юг, расселяясь в пределах Византии, а другие возвращаются в свои древние «прародины» — в Повисленье и лесные области Восточной Европы.

10. Некоторые выводы. А. Многие слависты вплоть до последнего времени предполагали, что родиной славян до VI в. н. э. было Повисленье, другие считали, что их родина простиралась от Повисленья до Поднепровья. В результате анализа письменных и археологических источников мы убедились, что в I—IV вв. н. э. родиной основной массы славянства была южная часть лесных областей Восточной Европы.

Б. Пока что основным археологическим соответствием раннему славянству второй половины I—начала VI в. являются зоны отсутствия хорошо выраженных и датированных групп археологических памятников. Трудноуловимость славянских поселений еще может быть объяснена чрезвычайно динамичным характером жизни славянства в этот период, но вряд ли лишь этим можно объяснить отсутствие могильников. Не исключено, что ранние славяне, как и близкие им в культурном и языковом отношении некоторые группы балтов, временами использовали некий археологически неуловимый обряд захоронения. Древнейшие славянские памятники, образующие отчетливые археологические единства, известны лишь с середины VI в. н. э., однако отличаются внешней неяркостью культуры, бедны вещами и стали широко известны сравнительно недавно. В некоторых северных областях славянского мира эпоха трудовой археологической уловимости продолжается вплоть до VIII—IX вв.

В. Древнейшая славянская культура VI—VII вв. была впервые выделена на материале могильников, характерными чертами которых являются захоронения в земле или урне по обряду трупосожжения и керамика «пражского» типа. Многие исследователи пытаются искать славянские могильники более раннего времени, опираясь именно на эти два компонента раннеславянской археологической культуры. Однако напомним, что в культуре VI—VII вв. (памятники типа Семенки — Пеньковка), принадлежавшей (по крайней мере, частично) антам, т. е. той славянской группировке, которая наиболее тесно была связана с Восточной Европой — родиной славянства I—IV вв., керамика «пражского» типа почти не встречается, и пока не известны сколь-нибудь значительные могильники.

Г. Обычно важным моментом раннеславянской истории считается процесс расселения славянства в разных направлениях из некой «прародины», постоянно и густо населенной славянами. Проведенное исследование скло-

няет к мысли, что движение основной массы славянства в конце IV—VII вв., скорее, имело характер массовых переселений, когда большие массы славянства могли не только осваивать новые, но и покидать старые области обитания.

II. Гипотеза. Около рубежа н. э. основная масса носителей древнеславянского языка обитала в зоне лиственных и смешанных лесов Восточной Европы (а также, возможно, в некоторых районах лесостепи), в непосредственном соседстве с древними балтами. Весьма вероятно существование в это время таких групп населения, которые очень условно можно назвать «балто-славянскими».

Во второй половине I в. н. э. носители древнеславянского языка начинают двигаться на юго-запад, достигая в своих набегах восточного Повисленья и верхнего Поднепровья. Отдельные их группы в конце II в. н. э. проникают в Подунавье. Движение на юго-запад приводит к некоторому отрыву и обособлению древних славян от балтов и «балто-славян». Однако дальнейшее распространение на юго-запад приостанавливается на рубеже II—III вв. начавшимся движением готто-гепидских племен из Повисленья на юго-восток. В III—IV вв. основная масса славян существует в бассейне Припяти и Тетерева, а также, возможно, в верхнем Понеманье и Поднепровье.

Бурная эпоха гуннского нашествия создает благоприятную обстановку для новой волны славянской миграции. Из единого славянского массива выделяется южная антская группировка. С середины V в. славяне занимают южное и среднее Повисленье. Именно в этих местах и, возможно, в Поднепровье, на Волыни и в Словакии в середине V—начале VI в. формируется славянская культура в том виде, в каком она несколько позднее выступит на широких просторах Восточной Европы. Не исключено, что лишь в вышеозначенных областях и в указанное время основной формой склавенской керамики становится «пражский» тип, прототипы которого обнаруживаются в керамике этих областей II—IV вв.

Во второй половине V в. ожесточенная борьба германцев, гуннов и римлян в Подунавье приводит к временному отношению сил всех трех сторон. Наиболее сильные «племена» германцев — остроготы и везиготы — уходят на запад, гунно-болгарские орды возвращаются на восток, в Северное Причерноморье и Приазовье, а Восточно-Римская империя ограничивается пассивной обороной своей северной границы по нижнему Дунаю. И в это

время (около начала VI в.) основная масса славянства устремляется на нижний Дунай, двигаясь на юг в основном вдоль восточных склонов Карпат.

Движение славян на запад и юг приводит к почти полному отливу славянского населения из областей между Горынью и Днепром, и вслед за славянами в V в. н. э. на юг начинают двигаться балты, достигающие Среднего Поднепровья.

Благоприятные условия жизни в Подунавье (плодородные земли, климат, захват пленных и пленниц) приводит к своеобразному «демографическому взрыву» среди славян Подунавья. Между ними начинается борьба за землю, и потерпевшие поражение анты покидают Подунавье, отступая на северо-восток. Начиная с конца 540-х гг. до рубежа VI и VII вв. анты известны как основное население южной части лесостепи по левобережью Днепра, по Южному Бугу и Днестру. Несколько позднее победителей-склавленов теснят появившиеся в Подунавье авары, а в конце VI в. начавшееся контрастное население Византии и древнего романоязычного населения Подунавья приводит к массовому отливу славянского населения в северном и северо-восточном направлениях, в Повисленье и лесную зону Восточной Европы. Движение из Подунавья в Повисленье, в свою очередь, вызывает частичный уход оттуда оставшихся там в VI в. славянских племен, переселяющихся как на восток (вятичи и радимичи), так и, возможно, на запад (сорбы). Активность движения на неприятный северо-восток, отраженного в нашей летописи как «расселение славян с Дуная», была, в известной мере, обусловлена тем, что подунайские славяне, вероятно, еще сохраняли воспоминания о своей древней «прародине». Для автора же «Повести временных лет» славянами были не носители славянского языка в современном значении этого понятия, а прямые потомки дунайских и прикарпатских склавленов-славян. Другие, периферийные по отношению к потомкам дунайско-прикарпатских «склавленов», группы славянства (ободриты, полабские славяне, уличи, вятичи, радимичи) не причисляются летописцем к славянам.

При возвращении на северо-восток потомки дунайских славян встречали в Восточной Европе как балтское, так и, возможно, группы древнего славянского и балто-славянского населения.

Эта эпоха расселения в северо-восточном направлении падает на конец VI—начало

VIII в. В южной части лесной зоны отражением этого процесса, возможно, является появление здесь около рубежа VI—VII вв. в поречье Днепра и Припяти культуры Корчак, передвинувшейся, вероятно, из более западных (или юго-западных) областей; несколько севернее этот же процесс отражается в перерыве культурных традиций, имевшем место в пределах VII—начала VIII в. в области верхнего Поднепровья и на некоторых прилегающих территориях. Известная «стабилизация обстановки» наблюдается лишь в конце VIII—начале X в., и лишь для этого времени на большей части территории Древней Руси известны достоверно славянские археологические памятники.

¹ Мачинский Д. А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников.— АСГЭ, вып. 13, 1971, с. 30—54; Мачинский Д. А. Кельты на землях к востоку от Карпат.— АСГЭ, вып. 15, 1973, с. 52—64; Мачинский Д. А. Об этногеографии восточноевропейских степей в II в. до н. э.— I в. н. э.— АСГЭ, вып. 16 (в печати); Мачинский Д. А. Среднее Поднепровье на рубеже скифской и сарматской эпох.— КСИА, вып. 132, 1974, с. 122—133; Мачинский Д. А. О соотношении ишеворской и зарубицкой культур. (К вопросу о славянах на рубеже н. э.). Тезисы докладов советской делегации на I международном конгрессе славянской археологии в Варшаве. М., 1965, с. 10—13; *idem*, «Relations entre les civilisations de Przeworsk et de Zarubincy. Propos sur les slaves à la limite de notre ère», I *Międzynarodowy Kongres archeologii słowiańskiej*, t. II, Warszawa, 1969, str. 280—282; Мачинский Д. А. К вопросу о происхождении зарубицкой культуры.— КСИА, вып. 107, 1966, с. 3—8; Мачинский Д. А. К вопросу о датировке, происхождении и этнической принадлежности памятников типа Пояншты-Лукашевка.— В кн.: «Археология Старого и Нового света». М., 1966, с. 82—96; Мачинский Д. А. Археологические памятники у с. Крулик и проблемы зарубицкой культуры. Тезис доповідей Подільської Історико-краєзнавчої конференції. Хмельницький, 1965, с. 71—72; Мачинский Д. А. К вопросу о времени, месте и обстоятельствах существования венедов Тацита. Советская этнография (в печати); Мачинский Д. А. Древнейшее достоверное письменное свидетельство о славянах и его археологические соответствия.— *Etnologia Slavica*, VI, 1975.

² Сообщение 20 ноября 1970 г. на совместном заседании отдела истории первобытной культуры и научно-просветительного отдела Гос. Эрмитажа; Сообщение 22 января 1971 г. на заседании группы Славяно-русской археологии ИА АН СССР; Совместно с М. Б. Шукниным доклад «Проблемы истории славян

в первой половине I тысячелетия н. э.» на заседании отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа, 2 февраля 1971 г. Тезисы доклада «Метод строгой синхронизации археологических данных со свидетельствами письменных источников».

³ В силу ограниченности размеров статьи автор вынужден пойти на максимальное сокращение аппарата, за счет литературы, достаточно хорошо известной специалистам. Уже во время написания статьи появился ряд работ, отдельные положения которых перекликаются с идеями автора. Имеются в виду работы И. Вернера, К. Годловского, а также неопубликованная работа Г. Ф. Корзухиной «К истории ремесла Среднего Поднепровья в I тысячелетии н. э.». Поскольку, однако, система взглядов упомянутых авторов отлична от изложенной в настоящей статье, а разбор различных концепций занял бы слишком много места, соответствующие ссылки опущены.

⁴ Браун Ф. Разыскания в области гото-славянских отношений, 1899, с. 331—335, 369.

⁵ Мачинский Д. А. Венеды...

⁶ Браун Ф. Указ. соч., с. 369.

⁷ Мачинский Д. А. Об этногеографии...

⁸ H. Lowmianński, *Początki Polski*; I, Warszawa, 1963, str. 166—176.

⁹ Мачинский Д. А. Об этногеографии...

¹⁰ R. Much, *Die Germania des Tacitus*, Heidelberg, 1967, S. 14.

¹¹ Мачинский Д. А. К вопросу о времени...

¹² R. Much, *op. cit.*, S. 14.

¹³ Шукни М. Б. Европейская Сарматия и черняховская культура. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Л., 1971, с. 9; Мачинский Д. А. Кельты...

¹⁴ Мачинский Д. А. К вопросу о датировке... с. 94—96; Мачинский Д. А. Археологические памятники... с. 71—72; Мачинский Д. А. Кельты... с. 57—60.

¹⁵ Мачинский Д. А. О соотношении... с. 10—11; Мачинский Д. А. К вопросу о происхождении... с. 3—9; Мачинский Д. А. К вопросу о датировке... с. 91—96.

¹⁶ Шукни М. Б. Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубицкой культурой.— АСГЭ, 1972, вып. 14, с. 43—52, рис. 3.

¹⁷ Кухаренко Ю. В. Памятники железного века на территории Полесья.— САИ, вып. Д-1, 29, 1961, табл. 10, 16, 20; Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР.— САИ, вып. Д1-30, 1966, с. 36.

¹⁸ Амброз А. К. Указ. соч., с. 35.

¹⁹ Хавлюк П. И. Новые открытия южнобугской экспедиции.— В кн.: «Археологические открытия 1969 г.», М., 1970, с. 228—230.

²⁰ Z. Szmít, «Sprawozdanie z poszukiwań archeologicznych w Hryniewiczach Wielkich koło Bielska Podlaskiego», WA, VII, 1922.

²¹ Мачинский Д. А. Древнейшее достоверное письменное свидетельство о славянах...

²² Кухаренко Ю. В. Указ. соч., с. 6—7.

²³ ПСРЛ, т. II. Спб., 1908, с. 5.

О. И. ДАВИДАН

СТРАТИГРАФИЯ НИЖНЕГО СЛОЯ СТАРОЛАДОЖСКОГО ГОРОДИЩА И ВОПРОСЫ ДАТИРОВКИ

Вопросы стратиграфии многослойного Староладожского городища неоднократно освещались в публикациях, посвященных результатам археологических работ на этом сложном памятнике.

Особое внимание обращалось на нижний слой со слонистой структурой и хорошо сохранившимися деревянными постройками, залегающими в разных уровнях и перекрывающими друг друга. Н. И. Репников все постройки нижнего слоя расценил на три яруса (сверху вниз: 1-й, 2-й, 3-й)¹. После того как в 1947 г. культурный слой на соседнем участке был исследован до материка, В. И. Равдоникас выделил четыре так называемых горизонта, обозначив их литерами *δ*, *e*₁, *e*₂, *e*₃, где *δ* соответствовало 1-му ярусу построек, по Н. И. Репникову, *e*₂—2-му ярусу и *e*₃—3-му². Горизонт *e*₁ не соотносился с постройками на раскопе Н. И. Репникова.

В соответствующих публикациях указывалось, что все постройки 3-го яруса на раскопе Н. И. Репникова и постройки горизонта *e*₃ на участке работ 1947 г. сооружены непосредственно на древней почве и относятся ко времени первичного заселения площади городища³. Горизонт *e*₂ представляет собой единый ярус или горизонт построек, одновременно погребенных в огне. Постройки горизонта *e*₁ сохранились лишь на отдельных участках всей площади раскопа и залегают непосредственно над постройками *e*₂ или непосредственно под постройками *δ*. К горизонту *δ* были отнесены два или даже три слоя (яруса) последовательно сооруженных построек, повторяющихся, как правило, по размерам и планировке⁴.

Таким образом, постройки трех горизонтов (*e*₁, *e*₂, *e*₃) отождествлялись с тремя строительными периодами, а постройки каждого горизонта считались одновременными. Однако это положение в отношении построек горизонта *e*₃ требует пересмотра.

В 1959 г. были раскрыты постройки, залегающие над древнейшими постройками, но ниже слоя пожара. В полевой документации они были отнесены к промежуточному горизонту, названному горизонтом *e*₂₋₃⁵. Стало очевидным, что горизонт *e*₃ не представляет собой единого яруса синхронных построек. Закономерно встал вопрос о том, одновременны ли все остальные постройки этого горизонта, или одни из них возникли раньше, другие позднее. Расчленение построек горизонта *e*₃ по данным стратиграфии и является основной задачей настоящей работы, так как для определения времени возникновения поселения в Ладоге очень важно из всех находок горизонта *e*₃ вычленив вещевой материал самого древнего пласта построек. Кроме того, разделение построек на несколько пластов в пределах горизонта *e*₃ дает определенные основания для относительной хронологии отдельных горизонтов нижнего слоя городища (*e*₃, *e*₂, *e*₁).

Для получения необходимых данных, кроме опубликованных материалов, были использованы дневниковые записи и полевые чертежи за 1947, 1948, 1950 и 1959 гг., когда производились исследования культурного слоя нижних горизонтов⁶.

В результате изучения документов выявлено следующее.

Славяни
I-VI в. н. е.

Мэчинский Д. А.

К вопросу о территории
обитания славян в I-VI веках //

АСГЭ, 1976, вып. 17.